

УДК 94
ББК 63.3(0)53
С30

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Печатается по изданию:

Семина Х. Д. Трагедия русской армии
Первой Великой войны 1914–1918 гг.:
Записки сестры милосердия Кавказского фронта
в 2-х книгах. Нью-Мексико, 1963–1964

Семина Х. Д.

С30 Записки сестры милосердия: Кавказский фронт.
1914–1818 гг. / Вступ. ст. и примеч. Д. И. Болоти-
ной. — М.: Кучково поле, Горные технологии, 2016. —
800 с. — (Военные мемуары)

В мемуарах Х. Д. Семиной нашли отражение события Великой войны как на Кавказе (особенно периода Сары-камышской операции), так и в Персии. При этом автор старается дать нравственную оценку происходящему с ней или вокруг нее. Уникальное положение мемуаристки — вольнонаемной сестры милосердия, жены военного врача, постоянно кочующей между фронтом и тылом, позволяет ей развернуть перед читателем многоликую панораму российской жизни в годы Первой мировой войны. Она подробно описывает жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях — и в ближайшей при-фронтовой полосе (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс) или шла обычная беззаботная жизнь (Баку, Батум), и в далеком тылу (в Поволжье и Прикамье).

УДК 94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0588-9

© ООО «Кучково поле», 2016
© ООО «Горные технологии», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

О записках сестры милосердия

«Трагедия русской армии Первой Великой войны» Х. Д. Семиной — редкий источник по истории Первой мировой, что становится очевидным уже из подзаголовка: «Записки сестры милосердия Кавказского фронта». Воспоминаний сестер милосердия известно крайне мало, а книга Х. Д. Семиной была почти недоступна для отечественного читателя, так как единственное ее издание вышло в Нью-Мексико в 1963–1964 годах. Повествование охватывает период с конца 1900-х — начала 1910-х годов и приблизительно до середины 1919 года, хотя в тексте воспоминаний конкретные даты отсутствуют. Вместе с тем повествование весьма последовательное, связное, целостное. Автор воспоминаний стремится дать широкую панораму российской жизни в описываемый период. С другой стороны, ее записки достаточно интимны, поскольку изображаемые в них события эмоционально окрашены и передаются в их индивидуальном восприятии и оценке.

Великая война на Кавказском театре чрезвычайно мало отражена в литературе, в том числе мемуарной, поскольку в сознании как обывателей, так и профессиональных историков ее заслоняет грандиозная панорама Западного фронта. Масштабность боевых действий там и катастрофичность их последствий для России (да и для многих других стран) привели к тому, что события на Кавказе и на Черном море и их результаты до сих пор

изучены и описаны недостаточно. Кроме того, в советской историографии намеренно не акцентировались страницы громких и славных побед русской армии против Турции как связанные с именем кавказского командующего генерала Н. Н. Юденича, в годы Гражданской войны возглавившего Белое движение на Северо-Западе России.

Между тем, умалять значение войны с Турцией для России невозможно. С точки зрения экономической, на первый план выступала проблема Черноморских проливов — их закрытие с началом боевых действий отрезало Россию от союзников. Поставки прекратились, снабжение нарушилось, нужды огромной армии приходилось во многом обеспечивать силами отечественной промышленности, недостаточно для этого мощной. С политической точки зрения (или духовно-исторической) идея водружения Креста над св. Софией Константинопольской продолжала быть глубоко значимой и для русского правительства, и для русского народа. Забегая вперед, необходимо указать, что успехи Кавказской армии в 1915–1916 годах в войне против турок (в частности, победоносный захват Эрзерума и Трапезунда) делали эту мечту вполне осуществимой.

Со своей стороны, Турция рассматривала противодействие России в Закавказье и на Черном море как защиту собственных жизненных интересов. Была у Османской империи и своя духовно-идейная подоплека в войне — панисламистская и пантюркистская (которые в собственных, чисто политических, целях поддерживала и Германия). Предполагалось, что к наступающим турецким войскам по мере их успешного продвижения по территории России будут присоединяться тюркские народы не только Кавказа, но и Поволжья, и Средней Азии. Германские и турецкие агенты приложили немало усилий для организации восстания мусульман русского Кавказа, и в ряде случаев такие выступления действительно имели место и временный успех.

В октябре 1914 года боевые действия против Турции начались в неблагоприятной для России обстановке. За три месяца, на которые оказалось оттянуто объявление войны по сравнению с войной против Германии и Австро-Венгрии, русская Кавказская армия была на две трети ослаблена переброской двух из трех своих корпусов на Западный фронт. При таких условиях борьба должна была вестись в крайне тяжелой обстановке, с превосходящими силами турок, на фронте огромной протяженности (около 720 км). В сложившейся ситуации перед Кавказской армией была поставлена задача оборонять границу, но в случае невозможности — постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта, удерживая, во-первых, важный экономический центр — Баку, с его нефтяными богатствами (на левом фланге), и, во-вторых, Военно-Грузинскую дорогу как кратчайшую связь центра России с Закавказьем. При этом гористая, сильно пересеченная местность крайне затрудняла связь и снабжение, подвоз боеприпасов, подход резервов, а также эвакуацию раненых и больных в тыл.

В самом начале войны Турция постаралась захватить стратегическую инициативу в свои руки, и сначала ей это в известной степени удалось. Военный министр Турции Энвер-паша в соответствии с классическими немецкими образцами разработал план окружения русской армии на Кавказе и ее последующего уничтожения. Согласно этому плану, турецкие войска в октябре 1914 года вторглись в Закавказье в районе Батума, заставив русские части отойти. Продолжая наступление, турки стремились достигнуть военной базы русских — крепости Карс, что в дальнейшем открывало путь вглубь российской территории, на Грузию и Дагестан, и одновременно разгромить основные силы русской Кавказской армии, захватив центр ее снабжения — город Сарыкамыш. Предполагалось, что успех этой операции обеспечит окружение и гибель русских войск, подобные трагедии 2-й ар-

мии генерала Самсонова на Западном фронте. Турки считывали, что уже к началу 1915 года в их руках окажется все Закавказье.

Однако решительность начальника штаба Кавказской армии генерала Н. Н. Юденича, не позволившего растерявшемуся русскому командованию окончательно выпустить из рук стратегическую инициативу, переломила ситуацию в пользу России. Под руководством Юденича русским войскам удалось не только не допустить окружения своих главных сил под Сарыкамышем, но и обеспечить разгром 3-й турецкой армии, которая была практически вся уничтожена (причем огромный процент потерь составили замерзшие еще до вступления в бой) или взята в плен. После Сарыкамышского сражения и до конца 1917 года преимущество на Кавказском фронте оставалось на стороне России.

Параллельно часть боевых действий русских войск против турок разворачивалась вне российской территории. Де-факто с началом Первой мировой войны в нее оказалась втянутой и Персия, которая де-юре ни с кем в конфликт не вступала. Однако одряхлевшее государство было неспособно противостоять тому, что воюющие стороны (Россия и Великобритания — с одной стороны, Германия и Турция — с другой) превратили его территории в один из театров военных действий. Помимо геополитического положения Персии, делавшего ее важным стратегическим узлом, лакомым ресурсом для обеих воюющих коалиций была нефть. Россия и Великобритания, еще в 1907 году поделившие зоны влияния в Персии, присвоили себе исключительное право разработки нефтяных месторождений в стране. Германия и Турция, естественно, рассчитывали отвоевать их для себя. Кроме того, Германия планировала с помощью Турции создать единый исламский фронт против Антанты — в составе Персии, Афганистана, Египта и современного Пакистана.

В начале ноября 1914 года две турецкие пехотные дивизии с иррегулярной курдской конницей вторглись в Иранский Азербайджан, захватив город Урмию; в начале января 1915 года был взят город Тебриз. Возникла опасность нападения турок и на русскую часть Азербайджана, а это автоматически означало угрозу главным российским нефтяным месторождениям, большинство которых располагалось тогда на Каспии, в районе Баку. По приказу русского командования в Персию выдвинулся 4-й Кавказский корпус, который умелыми и быстрыми действиями к концу января вернул город Тебриз, а спустя три месяца полностью очистил персидскую территорию от турок. После этого корпус продолжил наступление на Восточную Турцию в район Ванского озера и города Ван, где против турок восстало христианское население Османской империи — армяне и айсоры. Ван, а также захваченная в начале войны Урмия были освобождены, и русские закрепились там и на побережье Ванского озера, хотя не смогли продвинуться дальше из-за недостатка боеприпасов. Однако они успешно отражали все попытки турецкого контрнаступления.

Когда осенью 1915 года в рядах персидской жандармерии вспыхнули волнения (инструкторами в этих подразделениях были шведы, что способствовало развитию там немецкого влияния), это создало угрозу как английской, так и русской частям Персии. Чтобы восстановить положение, в октябре 1915 года на каспийском побережье Персии высадился кавалерийский корпус генерала Н. Н. Баратова. Сравнительно небольшой по численности (около 25 000 человек), но образцовый в плане боеготовности, корпус в декабре овладел Хамаданом, после чего прочно занял русскую зону влияния в Персии, обеспечив контроль над огромной территорией. Также совместно с англичанами была обеспечена защита границы с Афганистаном и теперешним Пакистаном.

Еще одной важнейшей операцией русских войск в Персии во второй половине 1915 — начале 1916 года стала поддержка англичан, блокированных на территории современного Ирака (входившего тогда в состав Турции) в городе Эль-Кут. Из состава корпуса генерала Баратова на помощь британским союзникам было выделено 17 тысяч человек. Отряд достиг города Ханекин в 150 км от Багдада, однако не смог спасти англичан, которые капитулировали 29 апреля 1916 года.

После этого 6-я турецкая армия, осаждавшая Эль-Кут, направилась навстречу Баратову. Несмотря на то, что турецкие войска имели значительное превосходство в численности и вооружении, больших успехов против русских они достигнуть не смогли. (Однако корпусу Баратова пришлось отдать ряд ранее занятых крупных населенных пунктов.) С другой стороны, отвлечение внимания турок на Баратова существенно облегчило положение англичан у Басры, которую они опасались потерять вслед за Эль-Кутом. Интересно, что русские союзники обратились к британским с просьбой произвести хотя бы демонстрацию из района Басры, дабы облегчить давление турок на корпус Баратова, однако англичане отказались.

Когда в ноябре 1916 года в Тегеране была совершена попытка государственного переворота, пресек ее все тот же корпус генерала Баратова. Через месяц русские войска перешли в наступление, постепенно возвращая себе города, отданные туркам во время перехода к Ханекину для помощи англичанам весной. В апреле 1917 года корпус Баратова рассчитывал соединиться с англичанами, захватившими к тому времени Багдад.

В июне англичане убедили русских начать наступление на Мосул в иракском Курдистане. Хотя сил для такого наступления было явно недостаточно, отказать союзникам Баратов не смог. Но из-за турецкого превосходства, тяжелейших условий горного похода и отсутствия

английской поддержки (союзники обещали оказать содействие Баратову, но обещания не выполнили) мосульский поход успеха не имел.

Тем временем в России уже вовсю бушевала революция. Из-за отдаленности ее центров от Персии разложение дошло до баратовского корпуса далеко не сразу (вообще части, воевавшие в ходе Первой мировой войны на Кавказском фронте, дольше других воздерживались от революционного развала). Однако в условиях нарастающего хаоса внутри самой России верность старой присяге потеряла смысл. К началу 1918 года все русские войска покинули Персию.

Когда же русская армия оказалась полностью разложенной в результате революционных событий, Турция попыталась выйти обратно к границам, существовавшим до начала Великой войны. Возвратив себе благодаря полной деморализации русских, уже не способных воевать, Трапезунд и Эрзерум, турецкие войска двинулись дальше в Закавказье и весной 1918 года захватили последовательно Карс, Батум и Александрополь. Впрочем, дальнейшее наступление их (на Тифлис) было пресечено их же союзниками — немцами. Между Германией и Турцией разгорался конфликт за раздел сфер влияния в Закавказье, прежде всего в связи с бакинской нефтью, на которую обе стороны хотели наложить руку. Кроме того, турецкий генеральный штаб рассчитывал реализовать свою основную идейно-политическую задачу, заняв Баку и весь Южный Азербайджан и тем самым заложив основу будущей пантюркистской империи. Параллельно предполагалось создать этим угрозу в тылу англичан на Месопотамском фронте. Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться. Турецкое правительство, не получив ожидаемой поддержки кавказских народов, отказалось действовать в рамках идей панисламизма и пантюркизма и 5 октября 1918 года постановило вывести все свои войска с Кавказа. 31 октября 1918 года Османская империя

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Опять на фронт

Глава 1

Поезд пришел в Тифлис на следующий день вечером. Я решила остаться в Тифлисе до завтра, чтобы повидать окружного медицинского инспектора и поговорить с ним о Ване. Выйдя из вагона, я пошла в зал первого класса, где меня должен был найти Гайдамакин, как мы условились с ним. Но весь вокзал — это сплошная огромная толпа,двигающаяся по всем направлениям и никогда не останавливающаяся. Я едва добралась до зала. Но там, кажется, было еще больше народу. Гайдамакин меня ни за что не разыщет в этой толпе. Люди ходили толпами друг за другом, точно в майский день по Головинскому проспекту. Диваны, стулья, кресла — все было занято людьми. Всюду навалены горы сундуков, корзин, дорожных мешков, чемоданов. И толпыдвигающейся публики переправляются через все эти препятствия, почти не задерживаясь и нисколько не смущаясь. Вокруг всех обеденных столиков не только все места были заняты, но за каждым стулом стояло по несколько человек в очереди и ждали, когда освободится место. И как только кто-нибудь встанет из-за стола, на освободившееся место сразу бросается несколько человек. Все заказывают много всякой еды и непременно кофе. Никогда я раньше не видела

ничего подобного. Все эти, очевидно, небогатые люди, которые боялись раньше и подойти к буфету первого класса, теперь, не стесняясь, заказывали все, что попадается на глаза в малопонятном для них списке блюд. Эта публика пришла в первый класс только теперь, во время войны. До войны они ездили и сидели в третьем классе, брали в буфете только кипяток в чайник, который возили с собой, со вздохом платили за него зажатый в кулаке большой медный пятак. Потом развязывали корзинку, вынимали домашнюю еду и, перекрестясь и не спеша, ели холодные котлеты, пирожки и старого жареного петуха, запивая бесконечным количеством чая. Оставшуюся еду аккуратно опять заворачивали в газетную бумагу и укладывали обратно в корзинку. А тут — все сидят за столом первого класса, заказывают такое количество еды, которое в нормальное время не съели бы и в два раза... Я встала около мраморной колонны и решила ждать здесь Гайдамакина. Толпа — точно морской прибой: то вдруг движется густой непрерывной волной в зал, то обратно, к выходу из зала. Наконец я увидела Гайдамакина, ныряющего среди толпы, точно среди морских волн. Временами я вижу его голову, потом она пропадает. И вдруг он вынырнул рядом со мной!

— Чемоданы принес?

— Принес.

— Вот, Гайдамакин, запомни. Завтра в десять часов здесь же, на этом месте, ты найдешь меня. У тебя есть место, где спать?

— Есть. Я буду ночевать вместе со всеми солдатами, которые везут вещи для нашего транспорта.

— Ну, хорошо! А теперь идем. Найди мне извозчика, и я поеду в гостиницу, а ты ступай к ним. А где эти солдаты?

— Они в третьем классе, ждут меня.

Я села на извозчика и поехала на Головинский проспект. Там самые большие и лучшие гостиницы в городе. Мы объехали их все и не нашли нигде ни одной свобод-

ной комнаты. Тогда повернули обратно на Михайловскую, где тоже была хорошая гостиница. Но тоже безрезультатно.

— Дайте хоть кресло, на котором я могла бы пересидеть ночь.

— Нету! Еще с вечера все занято, — сказал швейцар.

Я вышла, села на извозчика и не знала, что мне делать...

— Вот, около вокзала есть еще номера, — сказал возница. — Да там только вам будет страшно, поди? Всякий там народ останавливается... Ну и пьют тоже! Да иной раз шум и драки бывают.

— Вези! Попробуем. Все равно другого ничего нет.

Объехали и «номера»! Подъезжая к некоторым, мы видели, как с шумом и треском открывалась дверь и из нее выкидывался какой-нибудь пьяница-скандалист. Тогда мой извозчик, не останавливаясь, ехал дальше к следующим «номерам».

— Здесь не стоит спрашивать, — говорил он, дергая вожжами. После нескольких безрезультатных остановок извозчик обернулся ко мне: — Барыня! Я больше не знаю «номеров». Здесь мы объехали все. В другие и ехать нельзя — опасно.

— А где ты живешь? Может быть, у тебя найдется для меня место переночевать?

— Ну, где там! Мы живем в тесноте, да и далеко отсюда...

— Ну, что же, вези обратно на вокзал!

Когда приехали к вокзалу, было уже четверть второго ночи. Два с половиной часа ездили, а в результате у меня все же нет места для ночлега. Я даже позавидовала Гайдамакину, который, наверное, спит в тепле и под крышей. Заплатив извозчику, я позвала носильщика, чтобы взял чемодан, а сама протянула руку, чтобы достать маленький ручной саквояжик, который лежал позади, в открытом верху фаэтона. В этом саквояже я возила все мелкие

вещи — умывальные принадлежности, носовые платки, письма, духи, пудру. И там же было мое сестринское свидетельство и несколько сторублевых запасных денег. Но сколько я не искала, а моего чемоданчика нигде не было. Сразу холод пробежал по спине и остановился где-то в сердце! Не денег и вещей жаль, а какой-то безотчетный страх охватил меня. Меня ограбили в городе на освещенных людных улицах, а что было бы со мной, если бы я остановилась ночевать в одном из этих «номеров»? Никто бы и труп моего никогда не нашел!..

— У меня пропал чемоданчик с документами, — сказала я извозчику. Но тон, которым ответил мой возница, удивил меня. Сразу с покровительственного, добродушного — сделался грубым.

— Кто же ездит ночью по таким улицам! Конечно, жулики везде есть. Но я отвечать не могу! Я говорил вам, что места здешние «плохие».

Чемодан отдала носильщику на хранение, а сама пошла в жандармскую комнату и рассказала все, что произошло со мной. Дежурный жандарм все записал, но, конечно, никакой помощи оказать не мог. Я пошла в дамскую комнату и, когда открыла дверь, то пришла в полное отчаяние... Эта дамская комната когда-то служила местом отдыха для проезжающих пассажиров первого и второго классов. Там стояли мягкие диваны и большие кресла; была приличная женщина — горничная — для услуг и поддержания порядка и чистоты. Всегда чистая уборная, умывальник с горячей и холодной водой. Словом, там были все удобства, необходимые пассажирам, и, конечно, всё содержалось в полном порядке и чистоте. Сейчас же я увидела какую-то грязную ночлежку. На мебели и на полу сидели и лежали группами и в одиночку. Многие сидели скорчившись, поджав под себя ноги и укрывшись кто чем мог, — шубой, пальто или шалью. Некоторые еще не спали и разговаривали; другие что-то жевали. Как только стало светать, все зашевелились и стали выпол-

зять из-под своих покрышек. В одну минуту около уборной образовалась длинная очередь. Тут были и старухи, и молодые, и подростки. Лица у всех заспанные, волосы растрепанные, одежда помятая. Они уже знали друг друга и весело переговаривались, как давно знакомые. Те, кто выходил из уборной, занимали очередь около умывальника. Но он скоро засорился, и грязная вода потекла через край, заливая пол. Незапиравшаяся дверь в уборную делала пребывание в этой ночлежке совершенно невыносимым. Когда рассвело, пришла женщина, которая должна смотреть за чистотой этой комнаты. Но сама она была так ужасно грязна, что самое понятие о чистоте было для нее, очевидно, недоступно. Как только она пришла, ночлежницы стали сдавать ей вещи на хранение. Она запахала вещи в стенной шкаф и заперла его на замок. Очевидно, большинство спавших здесь женщин пользовались вокзалом как гостиницей. Я не могла дольше оставаться тут и вышла в столовую. Решила, если буфет будет открыт, выпить кофе. Но было еще очень рано, и в столовой не было никого. Столики стояли никем не занятые и без скатертей, стулья перевернуты. Только в самом дальнем углу за столиком, накрытом свежей скатертью, сидел элегантный и совсем еще молодой генерал. Я решила сесть где-нибудь подальше от него, но случайно еще раз взглянула в его направлении. И вдруг узнала в нем своего старого хорошего знакомого — генерала Зубова...

Я так обрадовалась ему после всех неудач и бессонной ночи среди грязных ночлежников и загаженного вокзала, что чуть не бросилась сама к пустому месту за его нарядно накрытым столом. Но, к счастью, он сам увидел меня, сразу узнал и пошел ко мне, удивленный странной встречей, но обрадованный и с ласковыми словами приветствия:

— А вы что делаете в этом грязном месте и в такое странное время, на границе ночи и рассвета?! Почему вы одна? Где ваш верный телохранитель и нянька — ден-

щик?... Идемте сразу к моему столу. Выпейте кофе и рассказывайте мне ваши приключения и затруднения...

Меня не надо было уговаривать! Я была готова плакать от радости, усталости и голода... Но, конечно, плакать я не стала, а свои ночные неудачи рассказывала в комическом тоне... Зубов слушал меня внимательно, но даже не улыбнулся на мои попытки рассмешить его...

— Вы сами не знаете, на границе какой опасности вы были все время! Сам Бог вас спас! Его благодарите за то, что вы живы и невредимы!.. А что вы не спали всю ночь, так это пустяки. Выспитесь при первом удобном случае.

Он так ласково, по-отечески, со мной говорил, что я забыла обо всем. А в его присутствии мне уже не грозила никакая опасность. Не вставая из-за стола, он сделал все, что было нужно. Пришел жандарм, за которым генерал послал лакея. Он продиктовал ему, что нужно написать в протоколе о пропаже моих документов, а через некоторое время дежурный жандарм принес переписанный протокол, на котором генерал расписался, как лично знающий меня. Я стала благодарить его и только теперь обратила внимание, что он выглядел нездоровым и каким-то усталым.

— Сергей Евгеньевич*, что с вами? Вы были больны?

— Был. И очень жалею, что еще жив...

Я подумала, что убит один из его сыновей. У него было два сына, и оба были на Западном фронте.

— Что-нибудь случилось с вашими сыновьями?

— К счастью, нет, но со мной случилось много неприятного... Я еду сейчас на Минеральные Воды по приказу, как в ссылку... Вы приблизительно знаете мою семейную жизнь. Поэтому я не стану тратить слова на объяснения. Еще в начале войны я встретил женщину в форме сестры милосердия. Она работала в одном из крепостных госпиталей. И полюбил ее. Мне казалось, что и она отвечает

* Вероятно, мемуаристка ошиблась: комендантом Карской крепости был генерал-лейтенант Сергей Александрович Зубов.

мне тем же!.. Но позднее я заметил, что она тяготится нашими отношениями. В один ужасный вечер я сидел у нее в комнате. Наш разговор становился все более запутанным и тяжелым... Совершенно неожиданно она схватила револьвер, приложила его дуло к своему виску и сказала, что застрелится! В ужасе, желая остановить ее, я схватил ее за руку. И в этот же момент раздался выстрел, и она упала мертвой. Это было ужасно...

Он замолчал и дрожащей рукой долго не мог зажечь спичку, чтобы закурить папиросу. Он сидел молча, опустив голову и, казалось, весь ушел в пережитое...

— Ну! Потом был суд... Меня оправдали в预умышленном убийстве... Но я чувствую себя совершенно разбитым, и оправдательный приговор не мог, конечно, уменьшить мои страдания. Если бы меня послали на фронт, хотя бы простым солдатом, я мог бы, может быть, весь уйти в работу и забыться... А меня послали на Минеральные Воды — для поправления здоровья!.. — Помолчав, он продолжал: — Которое мне совершенно не нужно... Когда ее хоронили, я весь гроб покрыл живыми цветами и почти один шел за ним. На суде это мне было почему-то поставлено в вину. Но мне это безразлично! Я нравственно был совершенно разбит и страдал безумно... Мне хочется забыть весь мир. Когда мой поезд пришел сюда ночью, я нарочно остался на вокзале и не поехал в гостиницу, чтобы избавиться от жадно-любопытных взглядов. Ведь все газеты писали так много и правды, и неправды, что каждый смотрит на меня с невольным интересом...

— Слава богу, я ничего не читала, — искренно сказала я. — Люди больше всего падки на чужое несчастье.

Он взял мою руку и молча прижал ее к губам.

— Какое счастье для меня, что я встретил вас, может быть, в последний раз в моей жизни, перед отъездом отсюда навсегда! У меня будет самое лучшее воспоминание о вас на весь остаток моей жизни. Со дня ужасной драмы

вы первый человек, с которым я разговариваю с чувством душевного облегчения!..

Пришел носильщик и сказал, что поезд подан и место для его превосходительства занято. Мы попрощались самым сердечным образом. Генерал пошел в свой вагон, а я поехала в город к окружному инспектору. Было уже около одиннадцати часов утра, когда я вошла в его приемную и увидела там много ожидающих своей очереди для приема. Все ожидающие с тоской смотрели на двери кабинета инспектора. Врачи, пришедшие по службе, ожидали приема в длинном коридоре без окон, но с целым рядом выходящих в него дверей и с широкой крутой лестницей, ведущей прямо к выходной двери на улицу. Ни одного стула в этом коридоре не было. А врачи часами, стоя, ждали очереди, когда их примет окружной инспектор. По коридору из одной двери в другую, пробегали чиновники с пачками бумаг. Но дверь в кабинет инспектора ни разу не открывалась, и из нее никто не вышел и не вошел. Я подошла к группе врачей и спросила:

— Инспектора еще нет?

— Нет, он здесь. У него какая-то сестра сидит уже два часа! Мы вот с девяти часов ждем. Но он еще никого не принял.

— Может быть, его там нет? — говорю я.

— Какое там — нет! — сердито говорит один из врачей. — У него кто-то уже два часа сидит! А мы вот стоим и ждем у моря погоды...

Я села на ступеньку лестницы и стала смотреть на проходящую по улице мимо стеклянных дверей публику. Опять в коридоре какое-то движение! Я встаю и иду туда, куда устремились все. По коридору быстро шел один из чиновников управления. Врачи обступили его и стали спрашивать:

— Что же это такое! До сих пор инспектор ни одного еще человека не принял! Есть у него там кто-нибудь?

— Да, есть. Инспектор занят.

— А нельзя ли постучать и как бы нечаянно войти туда? — предлагает какой-то врач.

— Нет, нет! Пожалуйста, подождите еще немного. Я думаю, посетитель скоро уже выйдет!.. — И чиновник быстро бежит дальше.

— Это черт знает что такое! Мне по спешному делу нужно видеть его. А я два часа торчу тут, — возмущался один из врачей. — Да что это за болтун сидит столько времени у него?! Почему инспектор держит одного человека так долго, когда его ждут тут столько других?

В коридоре стоял тихий шум голосов, все говорили полусшепотом. Я устала стоять и опять села на ступеньки. Вдруг в коридоре наступила тишина, раздался звук открываемой двери. Из инспекторского кабинета вышла сестра милосердия! Она быстро прошла мимо врачей, метнула взгляд в мою сторону, сбежала с лестницы и выбежала на улицу... Я встала и пошла к ошеломленным врачам.

— Вот! Видите теперь, кто два с половиной часа занимал время инспектора полумиллионной армии! А десятки врачей ждали! Ждали сотни госпиталей и десятки тысяч раненых и больных! — сказал старый врач.

В это время все тот же чиновник прошел в кабинет инспектора и сейчас же вышел обратно:

— Идите, коллеги! Кто первый?

Но все врачи показали на меня:

— Уж идите вы лучше первая. А мы после.

Когда я вошла, инспектор сидел за письменным столом. Он привстал и поздоровался со мной. Я объяснила ему, кто я такая.

— Доктор, вы знаете моего мужа. Вы знаете, что он с первого дня войны находится на фронте со своим транспортом.

— Да, я знаю.

— За это время он совершенно изменился. И к худшему. Он стал сильно пить и чувствует себя очень плохо.

— Что же я могу сделать для вас в этом отношении?

— Переведите его в тыл на госпитальную работу. Дайте ему отдохнуть в человеческой обстановке хоть несколько месяцев. Работа в госпитале его отрезвит, и он опять войдет в нормальную жизнь.

— Милая барыня! Ко мне столько приходит врачей и их жен! И все просят о переводе на лучшие места или убрать хоть временно с фронта. Но куда же я всех их переведу? Где я возьму для них хорошие места в тылу? И кто же будет тогда работать на фронте? Доктор Семин знает свое дело. Его транспорт работает лучше всех других транспортов, взятых вместе! Если я такого работника сниму с налаженного дела, то сразу нарушится работа целого района!

— Доктор, дайте мужу возможность хоть на короткий срок уехать отсюда, иначе он погибнет. Я это знаю! С ним уже были припадки горячки. Я еду к нему сейчас потому, что он страшно пьет и чувствует себя совершенно больным...

— Хорошо! Я могу вам обещать только одно: когда вы приедете туда, скажите ему, чтобы он подал рапорт о болезни. Тогда я дам ему отпуск на месяц, на два по болезни. А там будет видно. Может быть, и удастся устроить его где-нибудь в тылу...

Я его поблагодарила и ушла. До вечера и отхода моего поезда время тянулось бесконечно долго. Я не знала, что мне делать и как убить время. К знакомым не хотелось идти. Тяжело слушать рассказы об убитых и искалеченных. А это было теперь неизбежным разговором в каждом доме. В Тифлисе живет много кабардинских семей. Среди них нет почти ни одной семьи, у которой не было бы кого-нибудь убитого или раненого. Ни помочь им, ни облегчить их горя я не могу, а слушать душераздирающую драму семьи — невыносимо тяжело. Поэтому решила ни к кому не идти. Просто похожу по Головинскому, посмотрю на публику, на магазины. Прежде всего, пойду пообедаю в ресторане... Пошла в гостиницу «Ориант», тут же на Головинском. При ней был великолепный

ресторан. Его кухня славилась на весь Кавказ. Но в огромном зале не было ни одного свободного столика.

— Подождите, пожалуйста. Скоро должны освободиться столики, — сказал лакей.

Я села в одно из кресел, которые стояли в разных местах зала под пальмами. На эстраде играл струнный оркестр. За каждым столиком сидели военные с нарядными дамами. Столики были заставлены едой и винами. Настроение у сидевших за столиками было приподнятое, веселое. Некоторые подпевали под оркестр. Слышался смех. Сидеть одной в таком месте очень грустно. Музыка и веселый, счастливый смех других нагоняют безотчетную грусть... Мне хотелось уйти... В это время подошел лакей.

— Пожалуйста! Столик освободился!

Он повел меня в дальний угол и усадил за маленький столик. Я пообедала и опять вышла на Головинский. В это время на солнечной его стороне было много гуляющих. Конечно, больше всего было военных. У некоторых из них на груди виднелись белые Георгиевские кресты. У других — совсем молодых, безусых, — были новенькие полковничьи погоны. И положительно у всех на эфесе шашки красные темляки*. Несмотря на оживленность веселой толпы, среди которой я шла, мне было скучно. Я поехала на вокзал. Там все как-то больше подходит к моему настроению. В городе гуляли люди, у которых был свой дом, своя комната. На вокзале все были только временно, проездом; и среди них мне было легче. Утром, когда я уезжала в город, вокзал был почти пустой. Теперь он был опять переполнен, как и накануне. Я подошла к мраморной колонне, оперлась на нее спиной и стала ждать Гайдамакина, как мы условились с ним вчера. Он тоже пришел много раньше, чем мы условились. Я рассказала ему все, что случилось со мной прошлой ночью.

* То есть все гуляющие — награжденные орденом Св. Анны 4-й степени.

— Вот ведь какое несчастье! Я сплю, а вас ограбили, и я ничего не знаю!..

— Солдаты из команды здесь?

— Здесь. Сдают продукты в багаж, с собой брать ничего невозможно. Вон тысячи народу ждут поезда. Не знаю, как место для вас найду.

— Хоть бы скорее сесть в поезд. Так устала стоять тут...

— Барыня, я боюсь, вы не доберетесь и до вагона. Столько народу, и все лезут к самому краю, чтобы, значить, сразу стать ближе к дверям.

— Ты хочешь, чтобы и я пошла и стала тоже к самому «краю»?

— Да вы посмотрите, что делается!

— Хорошо! Идем...

Мы вышли и стали двигаться по течению к концу платформы, где должен стоять поезд, идущий на Джульфу. Но толпа была такая огромная, что ни о месте, ни о спанье не могло быть и речи. Солдаты, офицеры, чиновники: в галифе, с красными крестами на рукавах и без крестов. Всех рангов чиновники, сестры милосердия, врачи и просто штатские люди. Армяне по обыкновению едут целыми семьями с мешками, узлами, корзинками, со множеством женщин. И откуда только они берут столько женщин? У каждого армянина, куда бы он ни ехал, всегда с ним три-четыре армянки, и непременно с грудным младенцем. Всегда и всюду они первые у железнодорожной кассы и у дверей вагона. Когда они займут вход в вагон, то ни один человек не разорвет эту живую армянскую цепь, пока все они не пройдут друг за другом. Как они держатся так крепко друг за друга в толпе, я не знаю и не могу сказать, но они как-то ширятся и становятся цепкие, колючие, и всякий, кто попробует пройти мимо них или разорвать их цепь, непременно сдается. «А ну их! Пускай лучше пройдут все. А я уже за ними как-нибудь проберусь», — говорят все, кто ездил в поездах Закавказских железных дорог. Так случилось и со мной.

Вот наконец и поезд на Джульфу — Эривань подан. Меня все время толкали, как будто к поезду. Но когда поезд подошел к платформе, я оказалась далеко от дверей вагона. У входов же в вагон с обоих концов стояли плотной черной массой армяне, ехавшие в свои родные места. Как только открыли двери в вагон, конечно, они первые вошли туда, а за ними уже военные. Я думала, что никогда не попаду в вагон. Но толкаемая толпой и почти безо всяких усилий с моей стороны, я очутилась в вагоне, стиснутая и прижатая к стене так сильно, что думала, что задохнусь. Около самого моего носа стоял какой-то гигант, как мне показалось, и от его солдатской шинели шел запах табаку, дыма и мокрой шерсти. Не было никакой возможности отодвинуться от него хотя бы немного...

Но вот впереди произошло какое-то движение, гигантская спина отодвинулась от моего лица... Легче стало дышать!.. Хорошо, что у военных не было никаких вещей или были маленькие корзиночки или пакетики. А что было бы, если бы меня прижали армяне?

— Кондуктор! — кричал кто-то впереди вагона. — Немедленно освободить места для военных, едущих на фронт! Это безобразие! Весь вагон, все купе заняты армянами и частной публикой! А для тех, кто едет на фронт, нет места! Это невозможно! Нам нет дела, кто куда едет. Но для нас, военных, должны быть места!

Наконец-то нашелся энергичный человек и потребовал для военных законные удобства. А то все обычно считают, что военный «как-нибудь устроится», что о нем нечего заботиться, он может и постоять.

— На то он и «военный»! — говорит кто-то впереди меня.

Это действительно так.

— Весь вагон забит частной публикой, а мы, военные, хоть на крыше поезжай на фронт! А платим мы такие же деньги, как и частная публика, — продолжает кто-то.

— Места для едущих на фронт! — раздалось вдруг из-за могучей спины, за которой я стояла. — Прежде всего места для военных! Места для едущих на фронт! — еще раз закричал гигант.

— Пришел наконец и обер-кондуктор, — говорит кто-то позади меня. Через несколько минут началось движение в коридоре, и как будто стало немного свободнее. Я рада была и этому, стало легче...

— Сестра, сестра! Идите сюда! — кричит кто-то. Я вытянула шею и старалась увидеть, откуда неслись эти слова. Через два купе от меня стоял в дверях офицер, махал рукой и звал какую-то сестру. Он смешно вытянул кверху голову и махал рукой:

— Сестра! Идите сюда! Господа, пропустите сестру! — Я оглянулась, чтобы увидеть эту сестру и помочь ей пробраться к офицеру (должно быть, это ее муж зовет?). Но кто-то похлопал меня по плечу и сказал:

— Сестра! Идите же. Это вас зовут. Место для вас есть!

Но я не могла сделать ни одного шага ни вперед, ни назад. Нужно было большое усилие и ловкость, чтобы раздвинуть эту плотную человеческую стену и проложить себе путь. А я едва стояла на ногах от усталости, духоты и давки со всех сторон. В это время резким толчком поезд рванулся и затем медленно стал двигаться вперед... Все бросились к окнам, чтобы хоть через чужие спины взглянуть в последний раз на близких, оставшихся на платформе. Те тоже смотрят в окна вагонов, стараясь увидеть уходящее дорогое лицо, послать последний поцелуй, перекрестить... Но в тысячной толпе не всем удастся найти родное лицо... Все машут, выкрикивают дорогие имена, стараются вложить все свое чувство в слова прощания...

Дрожащая материнская рука крестит все окна вагона, где уже не разобрать ничего сквозь слезы и сумрак ночи. А поезд увеличивает свой ход, и крики становятся слабее и скоро совсем затихают... Стоящие в коридоре и

увозимые в неведомое, но грозное будущее, остались одни со своими думами, кто из них вернется на этот вокзал сам и встретит опять радостных близких?.. Немногие!.. Одних привезут в Навтлуг, на товарную станцию и осторожно вынесут на носилках. Сопровождающий фельдшер скажет: «Ранен в живот! Осторожно несите...» Других привезут в простом деревянном гробу. Вагон отведут на запасный путь. Потом выгрузят... «Сначала раненых нужно вынести», — скажет начальник поезда. А вот сейчас все они стоят, сжатые со всех сторон. И не имеют места не только полежать, отдохнуть, а даже просто сидеть. А на перроне остались жена и сын, которых не мог даже разглядеть в тысячной толпе, чтобы послать им последний поцелуй. Где-то в этой толпе стоит жена, держит на руках сына и говорит ему: «Вон, смотри, Бобочка, там в окне, верно, папа стоит!» Мальчик вытягивает шею к окну, куда показывает мать, старается разглядеть папино лицо, но в глаза лезут всё чужие бороды и усы, а папиного лица нигде не видно!.. «Видишь, Боба, папу? Пошли ему поцелуй», — говорит мать, которая держит мальчика на своей груди и сама ничего не видит, кроме Бобиного пальто. «Видел?» — ставя его на пол и плача, спрашивает мать. А поезда почти уже не видно, и только стук колес заглушает плач оставшихся на перроне.

Плачут все, молодые и старые. Старик в военной шинели с отставными погонами на плечах успокаивает маленькую старушку:

— Не плачь! Володенька вернется жив и невредим, — говорит он, а сам украдкой утирает глаза...

В нашем вагоне все как-то само собой утряслось. В коридоре стало свободнее, даже можно было, хотя и с трудом, пройти. Кто-то потянул меня за рукав.

— Сестра, идите в наше купе, мы для вас бережем место!

Это опять тот же самый офицер, который раньше звал... Мы пробрались до купе. Хотя там уже сидело

больше, чем полагается, но, когда я вошла, сидевшие на одном из диванов военные потеснились, и я села между ними.

— Мы, сестра, для вас давно бережем место. Садитесь к окну, вам будет там лучше, — вставая, говорит один, который казался постарше других. Только теперь я почувствовала, как я безумно устала, простояв на ногах несколько часов.

— Спасибо вам, господа, что дали мне место.

— Мы сразу же заметили, что вам приходится плохо, но не могли вас вызволить. Вас затерла толпа, точно льдом в половодье. Мы за это место бились много раз. Желавших было много, но мы все атаки отбили и позицию для вас удержали. А теперь не уступим нашу позицию ни перед какой атакой — будем биться до последней капли крови, — смеясь, говорили они. — Устраивайтесь, сестра, с комфортом! Нас только трое останется на нижнем диване.

Так и сделали; двое из них легли на верхний диван, а мы втроем устроились на нижнем, но ночью к нам пришли еще двое из коридора и попросили посидеть немного:

— Ноги затекли стоять, — сказал один из них. Они сели на краешек дивана, положили головы на руки и, кажется, сразу заснули. Когда рассвело, ночлежники ушли, а я вытянула ноги, которые тоже затекли, и заснула. Проснулась я, когда поезд уже подходил к Эривани. Закатное солнце освещало голые горы, а Арарат казался вот тут — рядом.

Наконец поезд пришел на станцию Эривань. Я вышла из вагона и смотрела на блестящую вершину Алаге-за. Самый город Эривань находился от станции в двух верстах и не был виден отсюда. Дальше до Джульфы* пейзаж очень скучный — ни одного деревца, ни кустика

* Джульфа — город в Азербайджане, железнодорожный узел, в годы Первой мировой войны — крайний пункт железнодорожной ветки, связывавший эту часть Кавказа с Тифлисом.